

Привет Микцлы Селяниновича

Анатолий Жуков

отрывки из очерка

Впервые я встретился с Благовым в пятьдесят пятом году в районном Мелекесе, куда он приехал собкором от Ульяновского областного радиокomiteта. С ним приехала и его жена Ляля, ровесница, недавняя выпускница того же Ульяновского пединститута. Ляля Ибрагимовна. Чернокудрая, красиво-улыбчивая татарка, рослая и стройная, подстать ему, богатырю. По цвету волос, по масти они были контрастными: светлорусый и голубоглазый славянин Благов резко оттенял восточную смуглость Ляли, ее почти негритянскую курчавость. Впрочем, грешно говорить о востоке, когда Татария рядом, в сотне километров.

После знакомства я заметил, что в нем, вероятно, болит историческая память о татаро-монголах, и потому он выбрал в жены татарку – чтобы как-то поквитаться, окончательно выяснить отношения.

– Чего теперь квитаться, когда поженились, – улынулся он. – Теперь дети пойдут. Надо думать о будущем. Татарское иго, оно долгое.

Тут Ляля внесла уточнение, сообщив, что она не только татарка: ее прадед Мусса (Мусин) ходил в прошлом веке к святым местам в Мекку, пропал целых три года и вернулся с женой абиссинкой. Вот откуда негритянская курчавость и смуглость Ляли. Благов согласно кивнул. Однолюб, крестьянский певец и христианин, он

считал, что жена – от Бога, и это надо учитывать даже в безбожной стране.

Они вырастили двух сыновей и двух дочерей. Ляля была с ним до последних его дней, а в последние, даже не дни, а годы его, два с лишним года были для них тяжкими: парализованный после инсульта, лишенный возможности двигаться, он, энергичный по характеру, испытывал не только физические муки, но и душевные – от своего унижительного безделья, беспомощности, непоправимости. К тому же болезнь его пришлось на годы «перестройки», когда демагоги во главе с Горбачевым болтали о нуждах народа и разваливали государство, а неподвижный Благов обречен был только слушать эту сволочь, не в силах ни возразить ей, ни даже отmaterить ее. За что Всемогущий Бог наказал такого чистого, доверчивого, талантливого человека?

Тогда, почти полвека назад, когда мы встретились, жизнь была бедной, страна еще не оправилась после войны, но будущее казалось нам радужным, солнечным: мы были молоды, мы жили в могучем государстве, в стране победителей, мы, рано познавшие труд, были причастны к этой победе и не без оснований надеялись, что не подведем и в будущем.

У Николая уже вышел первый сборник стихов «Ветер встречный», его сразу приняли в члены Союзы писателей, похвалила критика, Ляля вынашивала их первого сына и работала, помогая Николаю, старшие друзья-волгари тоже были надежны: прозаик Григорий Коновалов, который из Ульяновска переехал в Саратов, не прерывал с ним, бывшим своим студентом, связи, ульяновский драматург Василий Дедюхин, служивший тогда председателем областного радиокomiteта, давал ему подрабатывать на хлеб, дружил Благов с ровесниками журналистами областных газет и телевидения Игорем Хрустальевым, Константином Воронцовым, Вадимом Коневым, Анатолием Ивлиевым...

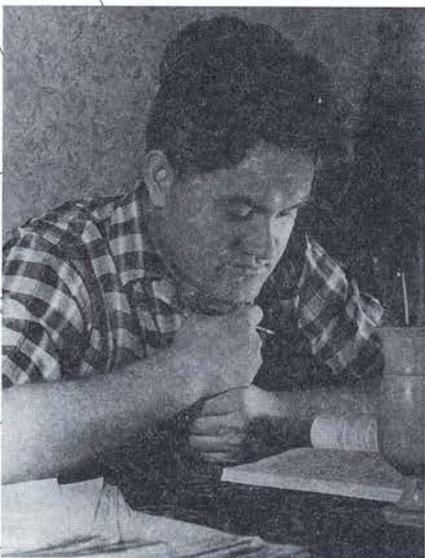
В Мелекесе, в связи с хрущевской перестройкой, тоже заметно оживилась жизнь: здесь обосновались физики-атомщики, строился солидный НИИАР со своей сильной промбазой, а в лесу, рядом с деревянным низеньким городом возник многоэтажный

каменный соцгород. И культурная жизнь стала живой. Здесь выходили, кроме многотиражных, две подписные газеты, городская и районная, работало местное радиовещание, был свой педагогический институт, несколько техникумов и ремесленных училищ, городской драматический театр, несколько кинотеатров, музыкальные школы, библиотеки, книжные магазины.

Многочисленными были и сельско-хозяйственные предприятия района: совхоз-гигант имени Крупской, Рязановский животноводческий совхоз-техникум, Мулловская суконная фабрика, десятки колхозов и разных артелей.

Словом, собору областного радио хватало хлопот и, стало быть, заработка. Но Благов по своему характеру был не журналист, любознательность его была иного свойства, поэтического, созерцательно-философского, когда наблюдения, накапливаясь, отливаются в емкие образные, метафорические формы, несущие отнюдь не публицистическую информацию. К тому же он был как бы почвенник, что ли, старого крестьянского закваса человек, имеющий на все события жизни свое особое мнение. И это его мнение порой не согласовывалось с общепринятой партийно-советской линией. В стихах он, талантливый, своеобразный и глубокий поэт, еще как-то мог обойти цензуру, в радиорепортажах и газетных статьях – нет. А писать апологетические ура-патриотические статьи – это было не по нему, правдолюбцу.

И гонорары поэтому капали скудные, оклад по должности был скромный. Когда Ляля не работала (по беременности и в послеродовом отпуске), им, случалось, не на что было купить хлеба. Ляля мне потом рассказывала, как однажды она ходила искать двадцать копеек на папиросы Николаю. У хозяйки, где они квартировали, попросить стеснялись, были должны ей за квартиру, вот Николай и послал Лялю. Иди, сказал, в сторону рынка, гляди под ноги – кто-нибудь обязательно обронит, дорога длинная. И знаешь, рассказывала, смеясь, Ляля, я ведь вправду нашла, причем сразу двугривенный, на пачку «беломора». А он даже не удивился, закурил и сел работать. Он тогда первую свою поэму писал, в несколько дней

сделал, да такую светлую, сердечную.

«Волга» в самом деле вышла у него широкой, солнечной, радостной и от этого немножко сентиментальной. Он тогда же, вскоре после написания прочитал ее нам, ребятам из районной газеты и мне, приехавшему из совхоза на собрание литературного объединения. Задушевно как-то читал, доверительно, будто сообщал свои заветные мысли, тайные намерения. Тогда он еще читал в узком кругу свои стихи, иногда даже по областному радио и телевидению выступал, но тоже неохотно, а с возрастом перестал выступать публично совсем. Дело это, говорил, интимное, не стоит на площадь, я не Маяковский, не Евтушенко...

Он не был тщеславным, даже честолюбивым, кажется, не был – то есть внешне это никак не проявлялось. Он не стремился к должностям и почетным общественным постам, избегал, в отличие от многих писателей, заграничных туристических вояжей (мол, обойдемся как-нибудь, Пушкин с Лермонтовым вон какие, а обходились же!), хотя был, в общем, легок на подъем. По районам своей области он ездил с удовольствием на любом транспорте, хорошо знал Поволжье и всю центральную Россию, бывал в Средней Азии и в Крыму, свободно ориентировался в Москве и Подмоскovie... Но охотнее всего он бывал в деревне, особенно в своем родном Крестово-Городище. Ляля потом уточнила, что это село не было ему родным: он, по документам, родился в Андреевке, а на самом деле – под Ташкентом, где был тогда на сверхсрочной службе его отец Николай Гаврилович Благов. Осенью 1930 года отец умер 25-летним от брюшного тифа, несколько месяцев не дожив до рождения (2 января 1931 года) своего сына. Овдовевшей Евдокии Ивановне ехать было некуда; ее родители Вершинины, из Пензенской области, потерялись в 1921-м голодном году. Помыкавшись в чужом краю с грудным ребенком на руках, Екатерина Ивановна... решила вернуться сюда, в Россию, к своей свекрови. Бабушка Секлетинья Ивановна жила в Андреевке, сноху и внучка она встретила хорошо, описала в завещанье Николаю свою избу и корову, так что он стал настоящим крестьянином. А похож он был, рассказывала Ляля, на мать. В точности – мать, как две капли воды.

Евдокия Ивановна вдовела долго. Работала в сельмагах окрестных сел: в Татарском Калмаюре, в Чердаклах, да и в самой Андреевке. В 1936 году она вышла замуж за Николая Афанасьевича Лысова, который служил в Андреевке уполномоченным. Уже после войны, в 1950 году они переехали в Крестово-Городище, где Николая Афанасьевича избрали председателем сельсовета.

Учился будущий поэт в сельских

школах Андреевки и Тургеневки Чердаклинского района, учился на четверки и пятерки, получал похвальные грамоты, потом – филфак Ульяновского пединститута, работа в областных газетах, на радио и телевидении. Сорок с лишним лет Николай Благов приезжал в Крестово-Городище, как домой, отсюда в 1959 году ездил в Ташкент поглядеть на свою фактическую родину. И не принял ее: там, где стояла когда-то воинская часть отца, он увидел серо-желтые пески, пустыню, кусты верблюжьей колючки... Чужое, неприютное место... Ни одна клеточка не узнала его, не откликнулась, озадаченно молчала и душа. «Не мог я здесь родиться, – решил Благов и, вернувшись домой, взял себе место рождения отца – Андреевку. Сельские власти поняли его, помогли выправить нужные документы. Ведь многие его стихи рождены плодотворными впечатлениями Андреевки.

Николай Благов был похож на свои стихи – основательные, поставистые, красивые по чувству. Но хорошо зная стихи и их автора, мне все время думалось, что у него еще много несказанного, и это несказанное будет крупнее, потому что сам он был больше своего творчества, глубже, талантливей.

Однако золотая осень его жизни, с обильным и радостным урожаем, выдалась на редкость несчастливой, ненастной, бедственной – созревающий урожай погиб, не собранный его хозяином. Но и то, что собрано, мне кажется богатым, щедрым, хотя до сих пор еще не оцененным в полной мере по его редкому достоинству...

Кладбище неподалеку от села (Крестово-Городище – Ред.), на песчаном взгорье, в окружении соснового леса среди полей. Ляля подвела меня к продолговатому песчаному холмику с массивной плитой, на которой выбито крупно и кратко:

НИКОЛАЙ БЛАГОВ (1931-1992)

Рядом могила отчима, бывшего председателя здешнего сельсовета: ЛЫСОВ Николай Афанасьевич (1907-1970)

И все. Шуршит-процеживается в сосновых ветках легкий весенний ветерок, хлопочут у гнезд черные грачи, стрекочут длиннохвостые белобокие сороки, булькает внизу ручей, стекающий из-под осевшего темного островка тающего снега. И кресты, кресты...

Неужели это все, что остается от нас на родной земле? И в ответ будто слышу дружеский, по-волжски окающий голос Благова, рассудительный и спокойный, как всегда:

*Не унижайся в укоризне,
Прочти небесно, до конца
И смерть –
Как укрепленье жизни,
Как высший замысел творца.*

Фото из архива Л.И. Благовой

А. Жуков и Н. Благов (крайние справа) среди ульяновских писателей